

GP at The Met: Eugene Onegin

Interview: Dmitri Hvorostovsky, Singer

May 25, 2008

Reached in Paris, the day after performing in Verdi's "Simon Boccanegra" at l'Opéra national de Paris, celebrated Siberian-born baritone Dmitri Hvorostovsky talked about one of his signature roles — the title character in Tchaikovsky's "Eugene Onegin" — and the Metropolitan Opera production he starred in that will be presented by GREAT PERFORMANCES

GREAT PERFORMANCES: What draws you to the title character of "Eugene Onegin"? Is he a difficult character to portray?

Dmitri Hvorostovsky: This personage is not easy to understand, even for someone who has been doing this role for decades. The character created by Pushkin in literature is very complex. In the opera, he appears slightly different, with an infusion of Tchaikovsky's own personality and attitude that changes [Onegin] a little bit

He is definitely not the bad guy, which is how he is portrayed often in the West. He is a product of his time, very cynical, but highly educated, refusing to be active. There are a lot of question marks at the end of the opera. Who will this young man become? Potentially, he could become a revolutionist, a member of the avant-garde Decembrist movement. Will it be easier for him to commit suicide because of his unlucky love? Or will he become someone who would do something for society? Will he start writing? Or become a politician and fight against the routine of government structures?

Onegin is from the beginning of the 19th century, but he is also a common figure in our time. So each time there is a new production, we try to find out who Onegin is. The easiest thing to say is that he is a bad guy because he turned down Tatiana, and gets what he deserves when, years later, he suddenly falls in love with her — and she turns him down. But this is not true. He is a much more profound guy

GP: Do you need to be a Russian singer to get the maximum out of this opera?

DH: I've been outside of Russia for many years, so I've become a foreigner myself. I've seen more of an international conception of this opera. My own conception of many things has been changed a great deal because I have changed over the years. My life and professional experiences have taught me a lot more than I knew when I first did this opera

GP: It has been said by more than one observer that you were born to sing Onegin, that the role suits your voice perfectly. What were your feelings about the music when you first sang it?

DH: Tchaikovsky wrote nothing easy for a musician — singers, instrumentalists, everyone would complain about the difficulties Tchaikovsky wrote. He had no pity on singers. Only mature singers can really handle it. But when I performed Onegin for the first time, I felt like it was a piece of cake because I was a student, and I felt I would conquer the world with incredible speed and velocity

Then I started to perform the role abroad and became slightly frustrated with the conceptions of stage directors who had not treated one of my favorite personages with all the respect it deserves. I put myself into a difficult position trying to fight it, being young and quite arrogant. One of my first appearances as Onegin was in Paris in 1993. I fought with all my strength and all my knowledge against the stage director. I had a group of Russian singers supporting me. Eventually, though, we did the production and it was nicely done. But ever since, I lost the respect of that director; he has always refused to hire me. He still doesn't like me, even now

After doing the role many times, I found I could not be satisfied with myself as an actor or a musician. I was always looking for the ideal Tatiana, the ideal conductor, and the ideal production. I couldn't find that balance, so I gave up the role for a number of years

GP: Why have you felt confident to perform this work again, and at the Metropolitan Opera?

DH: One of the reasons I came back to “Onegin,” if not the main reason, was my good friend Renée Fleming

We first did it in 2000, in a concert at Avery Fisher Hall. It struck me then that I had actually found the ideal Tatiana. I knew she could refresh my performance of Onegin. She seems quite Slavonic to me. I guess she has some Slavonic blood in her. The first time I heard her sing Tatiana, she was vibrating the right kind of strength in her heart and soul. It touched me right away. Finally, we got together on the stage of the Metropolitan Opera and did a very, very beautiful production that has been seen at movie theaters and can now be seen on television. I am still feeling very satisfied about this. To do “Onegin” with Renée, with [tenor] Ramón [Vargas], and with [conductor] Valery [Gergiev] in one of my favorite theaters in the world — the Metropolitan is like family to me — has been wonderful. I’m now very keen to do this opera as many times as I can, but I’m probably becoming too mature, too old for Onegin. [Hvorostovsky is 44; the character of Onegin is in his early 20s.]

GP: What do you like best about working with Renée Fleming?

DH: She’s very unpredictable as an artist. Each time I sing with her it is surprising. She always tries to challenge herself, to take risks. She is an amazing artist. I am very proud to sing with her. She has a big, powerful, loving heart that she performs from. And she has one of the most perfect techniques among sopranos of our time. I’m sure she can do anything she wants to

GP: The other big star of the Met’s “Onegin” is Ramón Vargas as Lenski. What are your thoughts about his performance?

DH: Ramon is so touching, so amazing. This is another beautiful performance that matches the character. He is a very vulnerable Lenski, a typical poet — even visually. He reminds me of one of the historic persons that Pushkin knew himself. Ramon is also an absolutely beautiful musician. The way he sings Lenski really pleases me a great deal

GP: You used the word “unpredictable” when discussing Renée Fleming. It’s a word that critics often use to describe Valery Gergiev’s conducting. Does that make things difficult for you?

DH: Valery is always very easy to work with. He makes you feel so comfortable and secure. He’s a superhuman to me. I’ve known him for many years and consider him to be a dear friend. I have so much respect for him, the way he can pull the heartstrings in any music he conducts. He is not just surprising in performance; the profundity of any performance he conducts is also so incredible. Anything we do together feels like a

piece of cake. He always welcomes any ideas I can create. He always follows me. Believe me, to have such a conductor, it encourages you

GP: You have enjoyed particular success in Italian repertoire as well as Russian. Will that continue to be a big part of your career?

DH: I'm still doing a lot of Verdi, still enjoying it. I'm so happy, like yesterday [April 10] here [Paris Opera], with the opening of "Simon Boccanegra," probably the best role ever written for [a] baritone. It is such a pleasure and privilege to do this role. I will be doing it at the Met in a few years' time

GP: Are there other Verdi roles you plan to add to your repertoire?

DH: I haven't done Iago or Macbeth yet, but probably will soon

GP: What about other Italian composers, from Rossini to Puccini?

DH: I used to do [Rossini's] "Barbiere [di Siviglia]." I mentioned it to [Metropolitan Opera general manager] Peter Gelb, and he just raised his eyebrows. I don't know if that's good or bad. I just changed the subject. A lot of people have been sitting on my shoulders trying to persuade me to do Scarpia [in Puccini's "Tosca"], but I think that will have to wait

GP: Are there other operas you particularly want to tackle?

DH: I'm not dying to do anything, but I'm trying to enlarge my repertoire. I also want to expand my activity

GP: Do you mean outside of opera?

DH: I'm curious to do something else, probably a movie — maybe an action movie, with no singing [laughter]. And I'm curious to perform different types of music, like classic pop. But anything like this needs to be thought through

GP: Meanwhile, how are you enjoying your career?

DH: My life is very beautiful, very exciting, and quite lucky. It is the biggest pleasure in the world to perform for a crowd that listens to your every breath. What can be better than this?

Interview by Tim Smith for GREAT PERFORMANCES Online conducted in April 2007.

GP at The Met: Евгений Онегин

Интервью : Дмитрий Хворостовский, певец

Май, 25, 2008 GP

Интервью Тима Смита для GREAT PERFORMANCES Online, взятое в апреле 2007 года.

На следующий день после выступления в «Симоне Бокканегра» Верди в Национальной опере Парижа знаменитый сибирский баритон Дмитрий Хворостовский рассказал прибывшему в Париж корреспонденту GREAT PERFORMANCES об одной из своих коронных ролей – главном герое «Евгения Онегина» Чайковского и о постановке Метрополитен-Опера с его участием.

GREAT PERFORMANCES: Что привлекает вас в главном герое «Евгения Онегина»? Трудно ли его изобразить?

ДМИТРИЙ ХВОРОСТОВСКИЙ: Этого персонажа нелегко понять даже тому, кто исполняет эту роль десятилетиями. Характер, созданный Пушкиным в литературе, очень сложен. В опере он предстаёт немного другим, с отражением личности и отношения самого Чайковского, что немного меняет Онегина. Он определённо неплохой парень, каким его часто изображают на Западе. Он – продукт своего времени, очень циничный, но высокообразованный, отказывающийся быть активным. В конце оперы много вопросительных знаков. Кем станет этот молодой человек? Потенциально он мог стать революционером, членом прогрессивного декабристского движения. Или ему проще покончить с собой из-за несчастной любви? Или он станет кем-то, кто сделает что-то для общества? Станет ли он писателем? Или политиком и будет бороться с рутинной государственных структур? Онегин – не только персонаж начала XIX века, но и часто встречающийся образ в наше время. Поэтому в каждой новой постановке мы пытаемся понять, кто такой Онегин. Проще всего сказать, что он отрицательный герой, потому что отверг Татьяну и получает по заслугам, когда спустя годы внезапно влюбляется в неё, а она его отвергает. Но это не так. Он гораздо более глубокий герой.

GP: Нужно ли быть русским певцом, чтоб добиться максимума в этой роли?

ДХ: Я так много лет не жил в России, что сам стал иностранцем. Я встречал больше иностранных прочтений этой оперы. Моё собственное представление о многих вещах сильно изменилось, потому что и я изменился за это время. Моя собственная жизнь и профессиональный опыт научили меня гораздо большему, чем я знал, когда впервые спел эту оперу.

GP: Многие критики признавали, что вы родились, чтобы петь Онегина, что эта роль идеально подходит вашему голосу. Что вы чувствовали, когда впервые её спели?

ДХ: Чайковский не писал ничего лёгкого для музыканта – певцы, инструменталисты, все понимают, как трудно исполнять Чайковского. Певцов он не жалел. Только зрелые певцы по-настоящему способны его исполнить. Впервые исполнив «Онегина» в студенческие годы, мне показалось это очень лёгким, потому что в те годы я

чувствовал, что с лёгкостью и без проблем завоюю весь мир. Потом я начал петь Онегина за границей и немного разочаровался в концепциях режиссёров, относившихся к одному из моих любимых персонажей без должного почтения. Будучи молодым и довольно высокомерным, я поставил себя в трудное положение, пытаясь бороться с этим. Одно из моих первых выступлений в роли Онегина состоялось в Париже в 1993 году. Я боролся всеми силами и знаниями против режиссёра. Группа русских артистов меня поддерживала. Тем не менее, в конце концов мы сделали очень хорошую постановку. Но с тех пор я потерял уважение этого режиссёра, больше он меня не приглашал. Он всё ещё не любит меня, даже сейчас. Исполнив эту роль много раз, я понимаю, что ещё не могу быть удовлетворён собой как артистом и музыкантом. Я в поиске идеальной Татьяны, идеального дирижёра, идеальной постановки. Не могу найти этот баланс, поэтому на несколько лет я отказался от этой роли.

GP: Что дало вам уверенность снова вернуться к этой роли, причём в Метрополитен-Опере?

ДХ: Одной из причин, если не главной, была моя хорошая подруга Рене Флеминг. Впервые мы спели «Онегина» в 2000 году на концерте в Эвери Фишер Холл. Тогда мне показалось, что я действительно нашёл идеальную Татьяну. Я понял, что Рене сможет оживить моё исполнение «Онегина». Мне она кажется вполне славянской. Я думаю, в ней есть славянская кровь. Когда я впервые услышал, как она поёт Татьяну, в её сердце и душе звучала нужная сила. Это тронуло меня. Наконец мы собрались вместе на сцене Метрополитен-Оперы и сделали очень, очень красивую постановку, которую видели в кинотеатрах и теперь можно увидеть по телевизору. Я всё ещё переживаю чувство удовлетворения от этого. Петь «Онегина» с Рене, с (тенором) Рамоном (Варгасом) и с (дирижёром) Валерием (Гергиевым) в одном из моих любимых театров мира – Метрополитен для меня как семья - было прекрасно. Теперь мне очень хочется петь эту оперу как можно больше, но я, наверное, становлюсь слишком старым для Онегина. (Хворостовскому 44 года; Онегину чуть за 20).

GP: Что вам больше всего нравится в работе с Рене Флеминг?

ДХ: Она очень непредсказуема как артистка. Каждый раз, когда я пою с ней, она меня удивляет. Она всегда старается бросить вызов самой себе, пойти на риск. Она потрясающая певица. Я очень горжусь, что пою с ней. Она поёт большим, сильным, любящим сердцем. И у неё одна из самых совершенных техник среди сопрано настоящего времени. Я уверен, она сможет спеть всё что захочет.

GP: Другая большая звезда «Онегина» Метрополитена – Рамон Варгас в роли Ленского. Что вы думаете о нём?

ДХ: Рамон такой трогательный, такой удивительный. Это ещё одно прекрасное исполнение, достоверный персонаж. Очень ранимый Ленский, типичный поэт – даже визуально. Он напоминает одного из исторических лиц, знакомых Пушкина. Рамон – прекрасный музыкант. Его исполнение Ленского мне очень нравится.

GP: Говоря о Рене Флеминг, вы употребили слово «непредсказуемая». Это слово критики часто используют для описания дирижирования Валерия Гергиева. Это затрудняет вас?

ДХ: С Валерием всегда очень легко работать. Он позволяет вам чувствовать себя комфортно и надёжно. Для меня он - сверхчеловек. Я знаю его много лет и считаю своим близким другом. Я безмерно уважаю его за умение тронуть сердца любой

музыкой, которую он исполняет. Он не просто потрясающий, глубина любого произведения в его исполнении невероятна. Всё, что мы делаем вместе, кажется таким простым. Он всегда приветствует любые мои идеи. Всегда поддерживает меня. Поверьте, иметь такого дирижёра – это вдохновляет.

GP: Вы успешны как в итальянском репертуаре, так и в русском. Будет ли это по-прежнему важной частью вашей карьеры?

ДХ: Я продолжаю много петь Верди, получая от этого огромное удовольствие. Я так счастлив, как вчера (10 апреля) здесь (в Парижской Опере), после премьеры «Симона Бокканегры», вероятно, лучшей роли, когда-либо написанной для баритона. Это такое удовольствие и честь - исполнять эту роль. Через несколько лет я буду петь её в Метрополитен.

GP: Какие другие роли Верди вы планируете добавить в свой репертуар?

ДХ: Я не пел ещё Яго и Макбета, но, вероятно, скоро спою.

GP: А как насчёт других итальянских композиторов, от Россини до Пуччини?

ДХ: Раньше я пел (Россини) «Севильского цирюльника». Я обмолвился об этом (генеральному менеджеру Метрополитен-Опера) Питеру Гелбу, но он только поднял брови. Не знаю, хорошо это или плохо. Я просто сменил тему. Многие стояли у меня над душой, пытаясь убедить меня спеть Скарпиа (в «Тоске» Пуччини), но думаю, с этим придётся подождать.

GP: Есть ли другие оперы, которыми вы особенно хотите заняться?

ДХ: Я не горю желанием петь новые оперы, но пытаюсь увеличить свой репертуар. Ещё я хочу совершенствовать свою работу.

GP: Вы имеете в виду за пределами оперы?

ДХ: Мне хочется сделать что-нибудь ещё, возможно, фильм – может быть, боевик, без пения (смеётся). И мне интересно исполнять разные жанры музыки, например, классическую поп-музыку. О чём-то подобном надо подумать.

GP: На данном этапе вы довольны своей карьерой?

ДХ: Моя жизнь прекрасна, очень увлекательна и довольно успешна. Это самое большое удовольствие в мире – выступать перед аудиторией, которая ловит каждый твой вздох. Что может быть лучше этого?

Перевод с английского Н.Тимофеевой